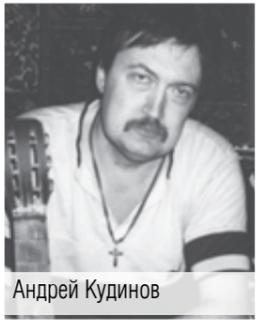

Странная история

Андрей Кудинов

Энергия памяти

Котин Сергей Владимирович работал редактором газеты. И так вышло, что где-то около года, если не больше, все полосы его издания были заняты до краёв: и рекламой, и предвыборная кампания...

Потом серия мемуаров крупного писателя-земляка пошла. Тоже отказывать нельзя. Одним словом, запарка. А тут один внештатник, как и ранее, шлёт и шлёт каждый месяц свои рассказы. Они, естественно, в разработку не шли, раз все полосы заняты. Редактор уже привык и думать забыл о таком неудобстве. Ну, будет место – потом напечатаем... Но недавно сия гармония положения вещей была нарушена. Письма от этого чудака приходят перестали. Не то что совесть заела, а просто по-человечески интересно стало – что же случилось? То писал, писал... а тут раз – и нет! Обиделся, что ли... Подзывает он секретаршу.

– Валя, позвони Трофимову. Ну, есть у нас такой внештатник... Телефон в его папке, в компьютере, найдёшь. Придумай любой повод и предупреди – мол, на днях заедем, поздравим. А то и вправду, столько вещей его через нашу газету раньше прошло, а тут не печатаем...

Прекрасное решение! Подарочек, разговор по душам... и дело в шляпе!

Но не тут-то было. Через какое-то время сотрудница возвращается и говорит, что Трофимов недавно умер.

– Как умер? А кто же материал присылал?..

– Не знаю, – отвечает секретарша и при этом почему-то, как будто она в чём-то виновата, смотрит в сторону. – Я свои соболезнования передала... Потом извинилась – и всё.

– Всё. Действительно, вот и всё, – тоже подумал про себя Сергей Владимирович, как будто в его жизни начался новый этап.

...Оказывается, Трофимов этот перед смертью наказал сыну слать его рассказы в редакцию, как и раньше. Поэтому сообщения и шли исправно, и вроде как ничего не изменилось. А потом сыну надоело – всё равно не печатают – и забросил все дела. Это всё Котин узнал, когда сам потом звонил Трофимовым.

...Странная история. И тут он вспомнил одну сказку. Сказку именно того писателя. Где главными героями были маленькие гномики, которые ловили рыбку. Но те рыбки были вовсе не рыбками, а человеческими жизнями. Уж чем там дело заканчивалось, он не помнил, но точно помнил, что проглядывало в этом произведении такое понятие, как энергия памяти. Чем больше о тебе кто-либо помнит, тем легче тебе живётся на земле. Да и после смерти, если память о персонаже хорошая, – реинкарнация проходит легче. Гномики одну рыбку ловили, а другую выбрасывали опять в речку – пусть, мол, живёт дальше... И такие сказки, оказывается, бывают. Сказки не сказки, а у Котина тут же выстрелило: природа убила того писателя или он помог своей беспомощностью? Да и был ли тот, считай, никому не известный, кроме местной публики, самоучка писателем?.. Хотя умер в сорок девять. Как Маяковский, Пастернак, Булгаков, Тынянов, Цветаева... Странная цифра. Странное совпадение. Вообще, всё странно: и жизнь, и смерть, и эти сказки с их эфемерными рассуждениями о жизни, о памяти...

– Интересно, а обо мне кто-нибудь вспомнит? – подумал Сергей Владимирович. Через секунду ему стало и грустно, и стыдно. – А ведь это было бы здорово!

Проза

Владилен Машковцев

Татарин Абдулла кочевал в степях на левом берегу Яика. Выломился он из хайсацкой орды. Хайсаком он был, наверно, а не татарин. Но тогда всех ордынцев называли татарами. Жена у Абдуллы была полонянской, русской. Но свыклась она, новое имя приобрела – Алтыншаш.

Алтыншаш – значит лунноволосая, золотокосая. Абдулла не обижал жену. Жили они дружно. Пасли стадо баранов.

Слёзы Алтыншаш

(Из «Сказок казачьего Яика»)

Трёх верблюдов имели, юрту кошмяную да табунок низкорослых коней.

У Абдуллы и Алтыншаш детишки малые были. Забот много. Но Алтыншаш иногда печалилась. На закат поглядывала. Там полыхала в пожарах её родина – Русь.

Однажды мимо стойбища Абдуллы шёл караван Мурзы. Гнали ордынцы в Хиву для продажи русских юниц. А одна среди них умом тронулась. То мяукает, то кукарекает, то кипятком плеснёт в лицо охраннику. А одного ножом в живот ткнула, он и помер.

Не знали ордынцы, как избавиться от умалишённой. На хивинском базаре безумную юницу никто не купит. И порешили ордынцы убить полонянку.

– Пожалейте бедную! – заступился за пленницу Абдулла.

– Если тебе её жалко, купи! У тебя, Абдулла, всего одна жена. Аллах позволяет нам иметь по четыре жены. А какая она красивая и весёлая! Мяукает, кукарекает, гавкает, как собачонка! – гарцевали на конях ордынцы.

Алтыншаш притащила овцу:

– Берите! Оставьте нам убогую!

Так вот и попала дурочка в стойбище Абдуллы. Сначала Алтыншаш думала, что блаженная будет помогать по хозяйству. Но вскоре рукой махнула. Девчонка кукарекала, размешивала соль в халве, мясо бросала в огонь, а тестом обмазы-

вала собаку. Какой с неё спрос! Оставалось только молиться богу. А жить стало трудно и голодно. Шайка Мурзы на обратном пути разграбила юрту. Даже скот угнали. Оставили одну кошму.

Дурочка же бродила по оврагам и лескам, питалась кореньями, яйцами из птичьих гнёзд. Правда, стала она тихой. Ни с кем не разговаривала, иногда мычала тоскливо.

Однажды блаженная принесла полное лукошко золотых самородков.

– Где ты это нашла? – допытывалась Алтыншаш.

Но дурочка ничего не смогла объяснить.

– Да нам большего и не нужно! – воскликнул Абдулла. – На это золото мы купим десять верблюдов, стадо овец, новую юрту и табун иноходцев.

Через неделю блаженная принесла еще одно лукошко солнечных самородков. И стал Абдулла самым богатым человеком. На старости лет он совершил путешествие в Мекку. А дурочка, говорят, утонула. Бросилась с крутого берега в речной омут и утонула, стала русалкой. Алтыншаш долго плакала по блаженной на берегу реки. И слёзы её превращались в прозрачные драгоценные камушки. Люди находят эти камушки до сих пор. И называются эти камушки – слёзы Алтыншаш, слёзы лунноволосой.

Память

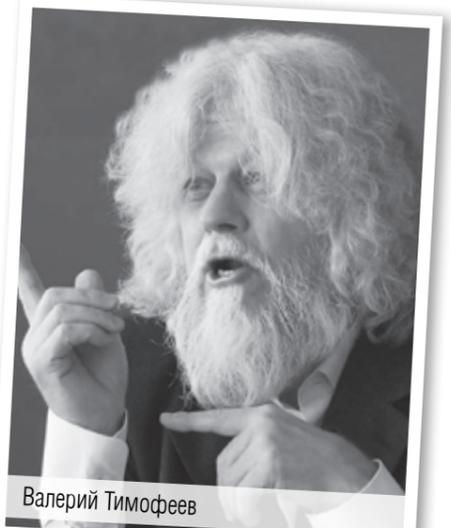
Из поэмы «Паровоз на приколе»

*Два столба стоят полосатые,
Третий столб поверх
Прикреплён скобой.
И уткнулся в них со своей судьбой
Исполн стальной – бог двадцатого.
Рельсы ржавые...
Шпалы в трещинах...
Прикипели колеса намертво.
Дым не гнётся
от ветра встречного –
Паровоз на приколе.*

*Сила прежняя – время новое;
Скорость прежняя – дали новые;
Песня прежняя – песни новые!
И стоишь на приколе.*

*Конь железный!
Ну кто же ты сейчас?..
Зарастают колеса порослью.
А ведь жрал километров тысячи –*

*Буксы докрасна грелись скоростью!
Было времечко с ветром, с песнями
И с годами, делами тесными,
И с мечтами наивно-честными,
И с дорогами неизвестными,
А теперь – на приколе...
Годы в вспасть познать –
не уgonишься;
И когда же ты урезонишься,
И когда же ты успокоишься,
Сердце глупое? –
бьёшься, колешь...
Мчатся б по полю, по зелёному,
Силой доброю наделённому;
Мчатся б по полю с перестуками!
Только годы давно отстали.
Отстучало больное сердце
И огонь навсегда погас:
Машинист не откроет дверцы,
Не ругнётся,
Парку не даст...*

Валерий Тимофеев

Поэзия

Вячеслав Гутников

Да здравствуют звёздные мысли!

*Мой гимн –
безумцам, которых
любой обыватель клеймит
за ересь в движеньях и взорах,
за дерзких речей динамит.*

*Когда
все мыслишки прокисли,
на всех мониторах – ни зги,
да здравствуют звёздные мысли,
пришедшие в наши мозги!*

*В грядущее
тыкая пальцем,
безумцы ведут за собой
товарищей неандертальцев
нехоженой тропой!*

*Пилю
изящным язычком –
язык смывка не хуже...
И вы воскликнете потом:*

*«Спасите наши уши!»
Я самому
себе не рад –
мне б жить в дубовой раме.
Не втиснуть в рамку, говорят,
мой буйный темперамент.*

*Как жаль,
что я – не музыкант,
я был бы скрипкой первой,
поскольку есть во мне талант
играть на чьих-то нервах.*

*Меня бы
с радостью к врачу
отправили с приветом,
но я с приветом не хочу
и хохочу при этом.
Искусству
радости пока
не обучают в школе –
валять приятно дурака
и умного – тем более!*

*Мама
кормит тебя кашей,
на диване кот притих...
Всё чудесно в детстве нашем,
если детство – в нас самих.*

*Мы растём. Мы смотрим в оба,
ошибаясь вновь и вновь.
Юность – дважды два – учёба,
юность – чистая любовь.*

*Когда
многое приелось
и когда несладко всем,
наступает наша зрелость –
изобилие проблем.*

*Что достал
и что досталось –
всё разнохает народ.
Но уже маячит старость –
зоопарк наоборот!*

*Корабль
десантный,
с погодой споря,
кидает курсантов
у берега моря.*

*Идут
очень тяжко,
из волн возникая,
ребята в тельняшках,
пехота морская.*

*Кто
дышит неровно,
кто мыслит отважно...
Пусть враг наш условный,
но это не важно.*

*В бою
рукопашном
штыками сверкая,
окажется страшной
пехота морская.*

*Мир снова и снова
вздыхает невинно.
Встречайте живого
из армии сына!*